

Лариса Абызова

- СВЕТЛАНА, в прошлом сезоне упорно говорили о вашем переходе в Большой театр. Чем это было вызвано и почему вы передумали?

— Я так и знала, что вы об этом спросите! Мне часто задают такой вопрос. Он для меня неприятный, и я не хочу отвечать. Были разные обстоятельства, но пока я здесь.

— В Академии русского балета вы учились всего год. Чувствуете, что вам не хватает петербургской школы?

— Мне трудно сказать. В Киеве я училась у педагога, который хорошо знает петербургскую школу, она стажировалась здесь и давала нам вагановские уроки. Поэтому, когда я приехала сюда, я знала, что нужно делать. Другое дело, не все получалось, ведь у меня не было с детства перед глазами петербургских балерин. Сейчас я работаю с Ольгой Николаевной Моисеевой, ученицей Вагановой. Не берусь судить, отличаюсь ли я от петербургских балерин, но сама считаю вагановскую школу родной для себя. В театр я попала ребенком — шестнадцати лет. Год даже не доучилась — в Вагановскую академию меня взяли сразу на третий курс. Петербургскую балетную школу я всегда мечтала окон-

Светлана Захарова — одна из самых молодых балерин Мариинского театра. На сцене третий сезон, а в активе — «Жизель» (эту роль лучше всего знают в Москве по гастролям питерского балета и по «гостевым» спектаклям Захаровой в ГАБТе), «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Бахчисарайский фонтан» и «Серенада». Ученица Киевского хореографического училища, приглашенная оканчивать школьный балетный курс в Петербург, Захарова танцует в модном ныне «спортивном» стиле, поражая воображение невероятным «шагом», который кажется не имеющим предела. Видимо, по этой причине вокруг балерины разгорелись споры. Ее Аврору упрекают, что с вертикальным шпагатом она мало похожа на рафинированную принцессу, дочь Короля-Солнца из XVII века, а у ее Одетты со знаменитыми «лебедиными» руками успешно соперничают ноги: выбрасываемые выше головы, они затмевают «взмахи крыльев».

Из разговора с балериной выяснилось, что такие метаморфозы ролей не случайны, они плод вполне осознанного подхода.

ставлены, никому не будет интересно их смотреть. Даже костюмы сейчас шьют по-другому. Раньше костюмы были пышными, с множеством драгоценностей, а сейчас они облегают, вытягивают тело. Зритель должен видеть, что у балерины есть талия, красивые тонкие ноги. У первых исполнительниц старинных балетов были совсем другие формы, они были ниже нас ростом. Манера исполнения тоже была совсем иной.

— Как вы выбираете редакцию — сами или танцуете то, что предлагает репетитор?

— Когда я приступаю к новой роли, то у меня уже есть какая-то

менты натурализма? В сцене сумасшествия сквозит просто патология. На последнем спектакле финальное появление троих главных героев приобрело новую окраску: лесничий Ганс словно вытаскил с сеновала вашу растрепанную героиню вместе с ее возлюбленным.

— Это получилось абсолютно случайно. Я плохо завязала бантик, и он сразу начал спадать. Я старалась его подтянуть, чтобы волосы совсем не растрепались.

— Вам это мешало?

— Да. Я не верю, когда артисты говорят, что их ничего не отвлекает.

— Какие роли вам больше нра-

«Золотая маска»-99

СПОРТСМЕНКА МАРИИНСКОГО БАЛЕТА

Независимая газ. — 1999. — 18 марта с. 7

Вертикальный шпагат Светланы Захаровой кажется безграничным.
Фото Натальи Разиной

чить, и мне это удалось после получения второй премии на конкурсе хореографических училищ «Ваганова-РГХ».

— Что для вас определяющее: техника — средство для создания образа или роль — только возможность показать технику?

— Одно другому не должно мешать. Все важно. Когда балерина красива, в образе, но падает с пирюта, это плохо, но если она все делает технически сильно, но сама пустая, это тоже никому не нужно.

— Ваши упомогаемые шпагаты впечатляют со спортивной точки зрения, но вызывают неоднозначную реакцию критики, ибо нарушают стиль старинных балетов, претят эстетике Петила.

— Я отношусь к этому спокойно. Сейчас другое время, на пороге двадцать первый век. Все в мире быстро меняется, даже Мариинский театр пошел вперед в плане хореографии. Когда видишь разные зарубежные труппы, начинаешь по-другому к этому относиться. Мы просто ничего здесь не видели, поэтому и существует штамп: так нельзя! Много пишут, что я поднимаю ноги слишком высоко. Я это читаю, но сколько бы мне ни говорили, я буду делать так, как считаю нужным. Не могу сказать, что я задаюсь целью специально кого-то поразить. Просто думаю: если я это могу, то должна так делать. Люди удивляются, кому-то нравится, кто-то приходит в ужас.

— В ужас-то приходит не кто-нибудь, а люди, надо думать, понимающие в балете. О недопустимости такой модернизации постоянно говорили Галина Сергеевна Уланова, Алла Яковлевна Шелест. Не устают говорить об этом и Наталья Михайловна Дунинская.

— Если танцевать старинные балеты так, как они были по-

основа, фундамент, отталкиваясь от которого мы с Ольгой Николаевной ищем то, что подходит для меня. Что-то придумываем. Иногда мне что-то придет в голову, увижу где-нибудь и сделаю.

— А ваша основа откуда?

— Беру кассету, учу порядок партии. Смотрю записи балерин, которые мне нравятся в этой партии.

— Кого вы смотрели, готовя Одетту?

— Практически никого. Этот балет я сама хорошо знала. В первый год работы в театре я много танцевала больших лебедей и видела адажио, вариации, коду «белого» акта. В «черном» акте я была одной из Невест. Мы сидели на скамеечках и смотрели па-де-де. Сколько разных Одилий танцевали перед глазами! Мне всегда было интересно на них смотреть: близко хорошо видно каждый жест, каждый взгляд.

— Почему в вашей Одетте мелькают черты Умирающего лебедя?

— Так мы решили с Ольгой Николаевной. Мы не задавались специальной целью, просто взяли движения, которые мне идут, — изгиб, поворот корпуса, головы, положение рук.

— Вы танцевали «Жизель» для президента России. Это случилось случайно — президент пришел на спектакль неожиданно или вас назначили как лучшую?

— Я не знаю, как это случилось. Я вообще не должна была танцевать Жизель в Москве, планировался только один спектакль, а потом вдруг появился второй, который дали мне. О том, что придет президент, я узнала дня за два до спектакля, когда все забегали. Мне приятно, что, как писали, «президент пошел в балет». Жаль только, что из-за усиленной охраны не смогли пройти многие любители балета.

— Почему от спектакля к спектаклю в вашей Жизели все больше и больше проявляются эле-

менты натурализма? В сцене сумасшествия сквозит просто патология. На последнем спектакле финальное появление троих главных героев приобрело новую окраску: лесничий Ганс словно вытаскил с сеновала вашу растрепанную героиню вместе с ее возлюбленным.

— Это получилось абсолютно случайно. Я плохо завязала бантик, и он сразу начал спадать. Я старалась его подтянуть, чтобы волосы совсем не растрепались.

— Вам это мешало?

— Да. Я не верю, когда артисты говорят, что их ничего не отвлекает.

— Какие роли вам больше нравятся — сюжетные или «абстрактные»?

— Сюжетные, чтобы между партнерами было общение. Возьмем «Спящую красавицу» — никаких чувств, эмоций, чистая классика, а «Лебединое озеро» или «Жизель» — совсем другое. Мне больше нравится, когда зрители переживают вместе со мной. Хочется быть на сцене актером.

— А Баланчин?

— Про Баланчина я как-то не подумала. Я, вероятно, не сразу о нем вспомнила, потому что на днях танцевала Жизель и еще не отошла от спектакля. Баланчин мне нравится.

— Но в его балетах нет сюжета. Мы настолько привыкли доносить сюжет до зрителя, что даже в балетах Баланчина я стараюсь его находить. Например, «Аполлон» для меня — не просто телодвижения, а танцевальные комбинации трех муз и Аполлона.

— Говорят, вы капризны в выборе партнера.

— Мне тяжело, если я не чувствую партнера. Чем мучиться, лучше отказаться совсем, хотя я не припомню такого случая.

— Не думаете о создании постоянного дуэта?

— Хотелось бы, но это невозможно. Балерин много, партнеров не хватает. Я танцевала со многими — с Зеленским, Рузиматовым, Иванченко, Барановым, боюсь кого-нибудь забыть. Иногда мне говорят: сегодня у тебя был другой спектакль. На 50 процентов это зависит от партнера: если он пустой, то я ничего не могу сделать.

— В Большом театре не собираетесь станцевать какой-нибудь спектакль?

— С удовольствием, если пригласят. Мне интересно танцевать с разными труппами. Даже «Жизель» в Большом другая — другая редакция, костюмы, исполнитель.

— Почему вы танцевали «Спящую» всего один раз?

— На гастролях я много раз ее танцевала, а в театре — не знаю, почему так получилось. Вот и «Жизель», казалось бы, мой балет, а я танцевала его с перерывом в год. Одна из причин — гастролей много.

— Когда у вас что-то не получается технически в танце, что делаете? Есть характер добиться или заменяете движения?

— Нет, никогда не заменяю. Да и не все можно заменить. Фуэте, например, ничто не заменит. Когда что-то не получается, а потом добьешься — это такая радость.

— Хотели бы вы участвовать в балете, который будет ставить в Мариинке Джон Ноймайер?

— Трудно сейчас сказать, потому что я с этим постановщиком совершенно незнакома. Интересно будет посмотреть. Я считаю, что все новое полезно, все нужно попробовать.

— В прошлом году вас выдвинули на «Золотую маску». Было ясно, что вы самая достойная претендентка, однако вопреки очевидности премию дали другой. Вам было обидно?

— Честно вам скажу: да меня первый раз выдвинули на такую высокую награду, и в душе я считывала ее получить. А когда надежды не оправдались, мне было очень неприятно, переживала. Тем более что «Жизель» — мой любимый балет. Если бы меня не выдвинули совсем, я была бы спокойна.

— В этом году вы вновь в числе претенденток.

— Да, но теперь я меньше об этом думаю. ■

Санкт-Петербург